

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор, г Кострома
y-v-lebedev@ya.ru

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ ТРУДА, СОБСТВЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье показано, как в русской литературе второй половины XIX века раскрываются духовные основы народных представлений о труде, собственности и призвании национальной школы.

Ключевые слова: торгашеский инстинкт, духовное противостояние, поэзия земледельческого труда, народная интеллигенция, национальная школа.

Abstract. The article shows how Russian literature of the second half of the XIXth century reveals the spiritual foundations of the popular notions of labor, property, and the calling of a national school.

Keywords: mercenary instinct, spiritual confrontation, poetry of agricultural labor, people's intelligentsia, national school.

А.Корин. Бурлаки. 1897

1

В первое пореформенное лето 1861 года Н.А. Некрасов написал поэму-путешествие «Коробейники». Бродят в ней по сельским просторам торгаши, мужики-отходники, старый Тихоньч и молодой его помощник Ванька. Это очень совестливые мужики, критически оценивающие своё торгашеское ремесло. Трудовая крестьянская мораль постоянно подсказывает им, что, обманывая братьев-мужиков, они творят несправедливое дело, «гневят Всевышнего», что рано или поздно им придётся отвечать перед Ним за «душегубные дела». Потому и приход их в село изображается как искушение для бедных девок и баб. Вначале к коробейникам выходят «красны девушки-лебёдушки», «жёны мужние — молодухи», а после «торга рьяного» — «посреди села базар», «бабы ходят точно пьяные, друг у дружки рвут товар». Как приговор всей трудовой крестьянской России своему несправедливому пути выслушивают коробейники бранные слова крестьянок: «Принесло же вас, мошейников!.. / Из села бы вас колом» [6, т. 4, с. 60].

И по мере того как набивают коробейники свои кошельки, всё тревожнее они себя чувствуют, всё прямее, всё торопливее становится их путь, но и всё значительнее препятствия. Поперёк их пути становится не только русская природа, не только потерявший себя лесник. Как укор коробейнику Ваньке — чистая любовь Катериночки, той самой, которая предпочла всем щедрым подаркам, всему предложенному ей в начале поэмы «богатству» — «бирюзовый перстенёк», символ одухотворённой любви. Неспроста именно этот эпизод из поэмы Некрасова выхватил чуткий русский народ и превратил в свою песню — «великую песню», по словам А. Блока.

В крестьянских заботах топил Катериночка после разлуки с милым свою тоску по суженому. Вся пятая глава поэмы, воспевающая самозабвенный труд и самоотверженную любовь, — упрёк торгашескому ремеслу коробейников, которое уводит их из родимого села на чужую сторону, отрывает от трудовой жизни и народной нравственности. В ключевой сцене выбора пути очевидна неизбежность трагического финала жизни коробейников. Они сами

готовят свою судьбу. Опасаясь за сохранность тугих кошельков, они решают идти в Кострому «напрямки». Этот выбор не считается с непредсказуемостью русских дорог («Коли три версты обходами, напрямками будет шесть»). Против коробейников, идущих напрямком и напролом, восстают дебри лесов, топи гибельных болот, сыпучие пески. Тут-то и сбываются их роковые предчувствия, и наступает их ожидаемое возмездие.

Примечательно, что преступление «Христового охотничка», убивающего коробейников, совершается без всякого материального расчёта: деньгами, взятыми у них, он не дорожит. Тем же вечером, в кабаке, «бурля и бахвалясь», он рассказывает всем о случившемся и покорно сдаёт себя в руки властей.

В «Коробейниках» ощутима двойная полемическая направленность. С одной стороны, тут урок реформаторам-западникам, которые, направляя Россию по буржуазному пути, не считаются с особой «формулой» русской истории, о которой говорил ещё Пушкин: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что

история её требует другой мысли, другой формулы...» [7]. А с другой стороны, здесь урок революционерам, уповающим на русский бунт и забывающим о его «бессмысленности и беспощадности».

В 60—70-х годах XIX века, когда Россия переживала трудные годы перехода на стезю буржуазного развития, чуткие русские писатели поняли, что греховным человеческим началом, на которое опирается этот новый общественный порядок, необходим надёжный духовный противовес.

Перед нашими писателями встал тогда тревожный вопрос: почему после Великой реформы, освободившей крестьянина, в народной жизни стали утверждаться не общинные, а буржуазные отношения, причём в самой варварской, самой дикой их форме?

«Мы охотно верим, — говорит Глеб Успенский в очерке “Малые ребята”, — в дурное влияние на деревню массы пришлых элементов, но никоим образом не можем только ими объяснять деревенского кулачества, то есть выделение среди деревенской массы личностей, эксплуатирующих эту самую массу. Беда именно в том и состоит, что кулачество — явление не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органический недуг» [12, т. 4, с. 403. — Курсив мой. — Ю.Л.].

Почему же ум и талант народа пошли «таким недобрим, неприветливым и разорительным для самого народа путём»?

2

Тогда же, в конце 1870-х — начале 1880-х годов, Г.И.Успенский в поисках ответа на этот вопрос целиком отдаётся изучению крестьянской жизни, поселяясь на жительство сначала в Самарской, а потом в Новгородской губернии. Он хочет исследовать влияние земледельческого труда на весь строй жизни и на характер русского крестьянина. В цикле очерков «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) Успенский, наблюдая за жизнью новгородского мужика Ивана Ермолаевича, с недоумением спрашивает: «...что именно даёт Ивану Ермолаевичу силу переносить своё труженическое существование? <...> Что же за приятность в податях? Что за удовольствие биться всю жизнь из-за них или только из-за хлеба? Неужели же такое существование можно назвать жизнью?» [12, т. 5, с. 27]. Смысл крестьянского существования для Успенского остаётся ещё тайной за семью печатями.

И вдруг случается история, приоткрывшая разгадку этой тайны. Однажды автор-интеллигент наблюдал за тем, как Иван Ермолаевич поил молоком слабого телёнка, и его поразило почти драматическое выражение голоса крестьянина: «Вот он! Поглядите на него, на проклятушего, и смотреть-то на него, на проклятушего, тошно!» [12, т. 5, с. 29].

Это напомнило повествователю, как летом 1876 года один художник повёл его в Лувр смотреть Венеру Милосскую. Всю дорогу он готовил его к предстоящему зрелищу,

как к созерцанию святыни. И вдруг, подойдя к прославленной статуе, художник остановился, как-то беспомощно опустил руки и проговорил «*точь-в-точь таким же драматическим тоном, как и Иван Ермолаевич: “Ну скажите, пожалуйста, на что это похоже? Посмотрите-ко, что они наделали...”*» [12, т. 5, с. 29].

Оказалось, что администрация Лувра решила укрепить ветхие места на крошащемся мраморе статуи, в результате чего «нос у Венеры Милосской походил на утиный... Этот-то утиный нос, оказавшийся там, где должно было быть совсем другое, до того потряс художника, так его ошеломил, что он, за минуту назад до крайности взволнованный, возбуждённый, как бы мгновенно устал, обессилел и ушёл вон совершенно расстроенный» [12, т. 5, с. 30].

То же душевное оскорбление, та же нравственная обида слышалась в голосе Ивана Ермолаевича, когда он, указывая на телёнка, говорил: «Вот поглядите на него, на проклятушего!» «Оказалось, что Иван Ермолаевич был огорчён почти так же, как и художник, то есть именно *оскорблён телёнком в глубине своих художественных требований*» [12, т. 5, с. 30].

Эпизод с телёнком воскрешает в памяти рассказчика множество такого же рода случаев, которые занимали Ивана Ермолаевича, а интеллигент «пропускал мимо ушей, как вещи не “стоящие” и ровно ничего не значащие сравнительно с вопросами о возникновении кулаков, о податях, об эксплуатации и т. д.» [12, т. 5, с. 31]. Припомнилась «история» с уткой, за которой Иван Ермолаевич долго наблюдал, а потом назвал её «остроумной». Припомнился разговор Ивана Ермолаевича о каких-то «камнях», в которые он «просто влюбился», припомнились выражения «загляделся на жеребёнка», «залюбовался овсом».

Внутри бессмысленного с виду круговорота крестьянской жизни открылись Успенскому сокровища высокой поэзии земледельческого труда. Оказалось, что жизнь крестьянина на земле отнюдь не механический труд только ради куска хлеба насущного, что она несёт в себе высокое духовное содержание. Мужик, связанный с землёй-кормилицей, — цельный человек. Труд на земле удовлетворяет сполна его эстетические потребности. Имея дело с рождением живого организма, его ростом и созреванием, проходя вместе с природой шаг за шагом весь круг жизненного цикла, крестьянин радуется прорастанию зерна, ревниво следит за формированием стебля и колоса, волнуется, мучается, старается помочь природе как соучастник и творец великого таинства жизни. И в этом смысле он подобен художнику и поэту.

О живительной власти земли над душой крестьянина говорит, по Успенскому, старинная былина о Святогоре и Микуле Селяниновиче. Вот выехал Святогор во чисто поле гулять, силой с кем-нибудь помериться. И встречается ему на пути «прохожий» мужичок с сумочкой за плечами. «Едет Святогор рысью, а прохожий всё идёт передом. Во всю прыть не может Святогор догнать прохожего. Закричал тут Святогор, да громким голосом: “Гой,

прохожий человек! подожди немножечко — не могу догнать тебя я на добром коне”. Прохожий послушался Святогора, остановился, снял из-за плеч сумочку и сложил её на землю. “Наезжает Святогор на эту сумочку; своей плёткой он сумочку пощупывал: как урослая, та сумочка не тронется. Святогор перстом с коня её потрогивал: не сворохнётся та сумка, не шевельнется. Святогор с коня хватал её рукой, потягивал: как урослая, та сумка не поднимается. Слез с коня тут Святогор, взялся за сумочку; он приладил, взялся руками обеими, во всю силу богатырскую натужился, от натуги по белу лицу ала кровь пошла, а поднял суму от земли только на волос, по колена ж сам он в мать сыру землю угрыз. Взговорит ли Святогор тут громким голосом: “Ты скажи же мне, прохожий, правду-истину, а и что, скажи ты, в сумочке наладено?” Взговорил ему прохожий да на те слова: “Тяга в сумочке от матери сырой земли”. — “А ты сам кто есть? Как звать тебя по имени?” — “Я Микула есть, мужик, я Селянинович, я Микула — меня любит мать сыра земля”» [12, т. 5, с. 117].

«Поэзия земледельческого труда — не пустое слово, — утверждает Успенский. — В русской литературе есть писатель, которого невозможно иначе назвать, как поэтом земледельческого труда — исключительно. Это — Кольцов. *Никто*, не исключая и самого Пушкина, не трогал *таких* поэтических струн народной души, народного мирозерцания, воспитанного исключительно в условиях земледельческого труда, как это мы находим у поэта-прасола. <...> Мужик, изображаемый Кольцовым, хотя и влачится по браздам, хоть и босиком плетётся за клячей, находил возможным говорить этой кляче такие речи: “Весело (!) на пашне, я сам-друг с тобою, слуга и хозяин. — Весело (!) я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю. *Весело* гляжу я на гумно (что ж тут может быть весёлого для нас с вами, читатель?), на скирды, молочу и вею. Ну, тащися, сивка!.. Пашенку мы рано с сивкою распашем, зёрнышку сготовим колыбель святую; его вспоит, вскормит мать-земля сырая. Выйдет в поле травка... Ну, тащися, сивка!.. Выйдет в поле травка, вырастет и колос, станет спеть, рядиться в золотые ткани” и т. д. Сколько тут разлито радости, любви, внимания, и к чему? К гумну, к колосу, к траве, к кляче, с которою человек разговаривает, как с понимающим существом, говоря “мы с сивкою”, “я сам-друг с тобою” и т. д.» [12, т. 5, с. 34—35].

Наше общество, по замечанию Д.С.Мережковского, «слишком часто становилось на исключительно экономическую, мертвящую точку зрения». Но «горек будет хлеб, если мы дадим его только по утилитарному, статистическому расчёту, только в холодном разумном сознании экономической необходимости, без умиления, без сочувственной, братской веры в то, что у народа есть самого святого:

*Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодной оно
Пошло к осени;*

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей Матери.

Если в душе интеллигентных людей навеки потухнет мерцание этого Божественного света, то уже никакая статистика, никакая политическая экономика, никакие заботы о хлебе насущном не возвратят нас, холодных, безбожных и мёртвых, к живому сердцу народа. Только вернувшись к Богу, мы вернёмся к своему народу, к своему великому христианскому народу. Другого пути нет» [5].

Русский народ высоко ценил аскетическое монастырское служение. Но рядом с ним, в жизни мирян, он утверждал служение иное — трудничество. Лишь тем откроются в будущей жизни небесные блага, кто здесь, на земле, проводит время не в праздности, а в праведных трудах. Отсюда — особая, основанная на православной вере трудовая этика русского крестьянина: труд им воспринимается как дело священное, в котором важно не только достижение материальных благ, но и духовно-нравственное, созидательное и спасительное начало. «Празднство есть яд, умерщвляющий душу» [11, с. 758].

*Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!*

[6, т. 4, с. 45]

3

Тема крестьянского труда и христианской трудовой этики была одной из ведущих в лирике и поэмах Некрасова. На неё указывает поэт в стихотворении «Крестьянские дети», призывая хранить в чистоте вечные духовные ценности, освящающие труд на земле:

*Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните своё вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра земли родной!..*

[6, т. 2, с. 121]

«Скудное русское поле» не обещает нашему труженику материального изобилия. Это поле нуждается в духовной, бескорыстной любви, далёкой от утилитарных соображений и ожиданий. Некрасов воспеваёт духовный смысл труда на земле, призывая «вечно любить» «вечно милое, скудное поле».

Песнь строителей в «Железной дороге» у Некрасова не сводится к обличению эксплуататоров. Пафос её ещё и в другом: на пережитые страдания труженики-страстотерпцы указывают не с тем, чтобы разжалобить нас. Страдания только укрепляют в их сознании величие трудового подвижничества. Умереть «со сла-

Н. Пимоненко. Жатва на Украине

вою» для православных мирян значило умереть в праведном труде, «Божьими ратниками». Строителям железной дороги «любо» видеть свой труд, а «привычку к труду благородную» высокоурожайного белоруса поэт советует перенять и господскому мальчику Ване.

В свете духовного отношения к труду гораздо более сложным представляется и финал «Железной дороги». Обычно обращается внимание на «рабскую психологию» народа, помчавшего с криком «ура!» по дороге своего притеснителя купчину. Но дело-то в том, что строители железной дороги не рабы подрядчиков и десятников, не рабы и самого графа Клейнмихеля. Если бы они были рабами, откуда бы у поэта возникла уверенность в том, что русский народ «вынесет всё и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе»? Ведь своим подвижническим трудом строители служили не подрядчикам, не Клейнмихелю, а самому Богу («Божии ратники»). «Лучше быть бедняком, чем работать со грехом», — говорит русская пословица. Строители железной дороги работали без греха, грех же остался на Клейнмихеле, подрядчике и десятниках.

Трудничество — характерная черта всех народных героев Некрасова. В основе стихотворения «Дума», например, житейский сюжет: мужик, порвавший связь с землёй, становится батраком и идёт наниматься к хозяину: «Эй! Возьми меня в работники!» Лукавая логика подсказывает, что сейчас заключится денежная сделка, трудовой договор: мужик будет добиваться работы полегче, а платы побольше. Но истосковавшийся труженик, у которого «поработать руки чешутся», мечтает о другом:

*Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —
Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валились;
Вместо шапки белым инеем
Волоса бы серебрились!*

[6, т. 2, с. 124]

Некрасов знает, что крестьянский труд в суровом северном краю на скудном поле России в лучшем случае даёт мужику то, о чём он просит в молитве Господней, — «хлеб насущный», то есть ровно столько, сколько нужно для скромного достатка и поддержания жизни. Сама природа приглушает в русском человеке материальные стимулы труда, но зато сполна мобилизует другие — духовные. Без высшего духовного смысла труд в России теряет свою красоту и поэтический смысл. Именно так, безлюбовно, смотрят на мужика в «Сценах из лирической комедии «Медвежья охота»» князь Воехотский и барон фон дер Гребен:

*Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной бронёй.*

[6, т. 3, с. 13—14]

То, что богатым инородцам, лишённым национального чувства, кажется «бронёй невежества», в действительности является высшей степенью христианской одухотворённости, данной народу в православии и поддерживаемой в нём даже природными условиями существования. Не случайно «Сцены из лирической комедии «Медвежья охота»» завершает «Песня о труде», поэтически опровергающая безотрадный взгляд на крестьянский труд высших сословий русского общества, оторванных от национальных корней:

*Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздной боле. <...>
Итак — о славе не мечтай,
Не будь на деньги падок,*

*Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.*

[6, т. 3, с. 23—24]

Даже к Богу русский человек шёл не только через самоуглубление, но и через доброе дело, через праведный труд, согретый молитвою. Он считал, что вера без дела мертва, что «спасён будет тот, кто спасает». «Работа великая» — самый надёжный способ духовного спасения. Эта вера народная отразилась в легенде «О двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Господь присудил Кудеяру-разбойнику срезать ножом, орудием его разбойных бесчинств, вековой дуб, под сенью которого он нашёл молитвенное уединение:

*Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнется дерево —
Цепи греха упадут.*

[6, т. 5, с. 208]

Здесь уже совсем не обозначена практическая, земная цель труда: никакой пользы «работа великая», выполняемая Кудеяром, никому не принесёт. Труд отшельника представлен в идеальном и чистом виде как путь к вечному спасению.

Мечтая о народном счастье, Некрасов не впадает в соблазн искушения «хлебом земным», свойственный европейскому идеалу социализма. Его идеал — народное довольство, сущность которого святитель Тихон Задонский определял так: «Ради чего мы родились и живём в мире сем? Не ради сего века, но ради будущего. <...> Зачем ты здесь? Ведь ты пришёл сюда не богатство собирать, не плоти и миру угождать, не греху и страстям работать, но Христу Господу работать и угождать и так спасение получить» [11, с. 1152]. Этот идеал в разных вариациях проходит через всё творчество Некрасова. В поэме «Мороз, Красный нос» он выражен так:

*В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несёт воздаянье:
Семейство не бьётся в нужде,
Всегда у них тёплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребяты,
На праздник есть лишний кусок.*

[6, т. 4, с. 81]

Н.В. Гоголь дал русской трудовой этике такую характеристику: «Человек рождён, чтобы трудиться. “В поте лица снеси хлеб свой”, — сказал Бог по изгнанию человека за непослушание из рая, и с тех пор это стало заповедью человеку, и кто уклоняется от труда, тот грешит и перед Богом. Всякую работу делай так, как бы её заказал тебе Бог, а не человек. <...> Богу не нужно, чтобы ты выработал много денег на этом свете; деньги останутся здесь. Ему нужно, чтобы ты не был в праздности и работал. Потому, работая здесь, вырабатываешь себе Царствие

Небесное, особенно если работаешь с мыслью, что работаешь Богу. Работа — святое дело» [3].

4

В цикле очерков «Власть земли» (1882) Успенский разгадывает тайну исторической выносливости русского крестьянина, которую, с его точки зрения, безуспешно пытался решить Герцен. «Мне кажется, — писал Герцен в статье “Россия” (1849), — что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть... Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так чудотворно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала; я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум и... ответил через сто лет громадным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе, о той вере в себя, которая волнует нашу грудь. Эта сила, независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддерживала его несокрушимую веру в себя» [2].

В чём же тайна этой силы? «А тайна эта, — отвечает Успенский Герцену, — поистине огромная и, думаю я, заключается в том, что огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужественно-сильна и детски-кротка — словом, народ, который держит на своих плечах всех и вся, — народ, который мы любим, к которому идём за исцелением душевных мук, — до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит *власть земли*, покуда в самом корне его существования лежит *невозможность* послушания её *повелений*, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют всё его существование» [12, т. 5, с. 115].

Однако поэтизируя власть земли, Успенский даёт понять читателю, что этой властью душа крестьянина не должна исчерпываться. Власть «земли» без *власти «неба»* заводит народ или в дебри зоологического индивидуализма, или в пустыни безропотной покорности. Земля учит крестьянина «признавать власть, и притом власть бесконтрольную, своеобразную, капризно-прихотливую и бездушно-жестокую. В самом деле, чего только не выделяет природа над Иваном Ермолаевичем! По какому-то необъяснимому злорадству она, например, иссушает его ниву, буквально облитую потом. С беспощадною жестокостью она не день, не два, а два-три месяца подряд томит его ежеминутно, ежесекундно мыслью о голоде, о нужде, томит и молчит... <...> Терпи, Иван Ермолаевич! И Иван Ермолаевич умеет терпеть, терпеть, не думая, не объясняя, терпеть беспресловенно» [12, т. 5, с. 40].

А с другой стороны, она же «обстоятельно знакомит Ивана Ермолаевича и с *удоволь-*

ствиями власти» [12, т. 5, с. 41]. «Без малейшей тени сомнения в своём праве» он «стрижёт овцу, стегает и запрягает лошадь, выгребает из куриных кошелоков яйца, доит и отбирает у коровы молоко, телёнка и так далее до бесконечности. Спрашивается: может ли Иван Ермолаевич, получающий знания непосредственно от природы, иметь хотя малейшую тень сомнения в неизбежности самой абсолютнейшей, самой прихотливой, а главное, ничем не объяснимой власти? <...> Из всего этого видно, что “повинуйся” и “повелевай” до такой степени прочно вбиты природою в сознание Ивана Ермолаевича, что их оттуда не вытащишь никакими домкратами» [12, т. 5, с. 43].

Таким образом, власть земли формирует в народных характерах два типа: на одном полюсе — безропотный, терпеливый Платон Каратаев, на другом — хищник-миroeд. И когда над крестьянином безраздельно царит «земля», между этими типами с неизбежностью возникает непримиримая вражда. Тогда весь организм общинной жизни расстраивается, порождая расслоение между богатыми и бедными, взаимную ненависть между ними.

5

Теоретики народнического движения духовное начало крестьянства ставили в прямую зависимость от материального. А потому «устои» для них исчерпывались общинной организацией труда. Успенский видит эти устои в другом: экономическая основа общинной жизни в прямой зависимости от духовных основ, её организующих и питающих. Кризис духовных устоев неотвратимо ведёт за собою распад устоев «мирских». Община экономическая держится общиной духовной, питается ею. Напор буржуазных начал в жизни русской деревни связан с глубоким религиозным кризисом, который охватывает не только высшее сословие общества, но и по-реформенную крестьянскую Русь.

В старой деревенской общине, говорит Глеб Успенский, наряду с мироедом-хищником и безропотным Платоном Каратаевым существовал третий тип, третья фигура, которую автор «Власти земли» называет «народной интеллигенцией». «Тип её, — говорит Успенский, — был тип *Божия угодника*... Он мирской работник, он постоянно в толпе, в народе, и не разглагольствует, а делает в самом деле дело. Народная легенда о Николае и Касьяне как нельзя лучше рисует этот тип *народного* интеллигентного человека. Касьяну, как известно, праздник бывает только в четыре года раз (в високос), а Николаю — множество раз в один год. Отчего так? Оттого, разрешает этот вопрос легенда, что когда Николай и Касьян пришли давать Богу отчёт, после того как они были на земле между людьми, то Николай оказался весь испачкан грязью и в изорванном платье, а Касьян пришёл франтом. Вот Бог и решил, что Николай всё время работал, толкался в народе, хло-

потал, а Касьян только разговаривал, за это и положил праздновать Касьяну в четыре года раз, а Николаю в год чуть не двадцать раз. Вот такой-то тип и есть тип *народной* интеллигенции, и дела такого угодного Богу и народу человека как нельзя лучше подходили к общим условиям земледельческого быта: они были нужны, настоятельны, — и такой работник, как мы видим, был» [12, т. 5, с. 126].

«Эта интеллигенция «угодников Божиих» внесла в народную русскую массу бездну всевозможной нравственной и физической опрятности (посты, браки в известное время года и т. д.). Но главное-то — они старались *развить эгоистическое сердце человека в сердце всескорбящее*. <...> Вот эта-то тенденция — превратить эгоистическое сердце в сердце всескорбящее — и была положена в основание народной школы...» [12, т. 5, с. 171].

Воспитанием народной интеллигенции занимались церковь, литература и старая народная школа. В этой школе учили «строгости» к самому себе и к ближним вопреки той «правде дремучего леса», в которой крестьянин вынужден был жить. «Эта школа учила необходимости в житейских отношениях нести убыток — подавать нищим, убогим, жертвовать на храм» [12, т. 5, с. 172].

Такую школу «народ почитал за серьёзную, гораздо более серьёзную, чем теперешняя, где можно узнать массу чисто практически полезных сведений». В старой школе «цифры учили плохо», «но воспитание сердца было настойчивое» [12, т. 5, с. 172].

«Теперь же, когда времена значительно изменились... этой высшей точки зрения на окружающее и нет в современной школе. Нет той науки о *высшей правде*, которая бы дала *теперь* человеку возможность сказать себе, что справедливо и что нет, что можно и что нельзя, что ведёт к гибели и что спасает от неё» [12, т. 5, с. 172].

К числу народных учителей Успенский относит русских православных праведников. Он показывает, что ещё столетие тому назад святитель Тихон Задонский мог с церковной кафедры публично, при всём народе, говорить такие слова: «Явное хищение есть то, когда кто чужую вещь насильно отнимает, как то делают: 1) Разбойники, кои насильно другого грабят. 2) Властелины, которые у своих подчинённых, а сильные у немощных отнимают нагло имение, дом, землю и проч. или принуждают их продать себе то, что они продать не хотят, или продать малою ценою... 3) Сему хищению подвержены продавцы, которые в крайней другого нужде, например во время голода, хлеб не продают, разве за неспосную цену. Сюда подлежат и те, кои, видя другого нужду, взаём не дают денег, или хлеба, или чего другого, разве требуя неправедной лихвы и росту» [12, т. 5, с. 161].

«Как же обстоят дела теперь? — подводит итог своим горьким наблюдениям Успенский. — Теперь мы видим только две фигуры — Платона и хищника. Третьей фигуры — человека, который бы мог заткнуться о той правде, которую Бог видит и которую говорит

Кучиков. Портрет семьи купцов Косиных за чаепитием. 1840-е годы

устаи людей, — нет и в помине. Напротив, всё на стороне хищника. На стороне его земельное расстройство масс, расстройство душевного удовлетворения их трудом; расстройство это гонит их к хищнику внутренне обессиленными, сознающими своё ничтожество гораздо сильнее, чем сознавал его Каратаев» [12, т. 5, с. 202].

Какие же представления о богатстве и собственности распространяли носители православного благочестия, «народные интеллигенты», среди мирян? Люди глубоко просвещённые, они опирались на тексты Священного Писания и предания, на учение святых отцов нашей православной церкви. «Всякое ли богатство и нищета от Бога? — задавали они вопрос православным мирянам и вслед за святителем Иоанном Златоустом отвечали на него так: — Нет, не всякое. Ибо мы видим, что многие собирают великое богатство хищением и другими подобными способами. Приобретающие праведно, получив богатство от Бога, употребляют его согласно с заповедями Божьими; а оскорбляющие Бога в приобретении делают то же и в употреблении, расточая его на блудниц и праздных нахлебников или закапывая и загирая, а не уделяя ничего бедному» [9, т. 1, с. 67, 69].

Так всякая ли собственность «священна и неприкосновенна»? Нет, далеко не всякая. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что от пристрастия к деньгам рождаются хищения, вражды, брани и споры. «Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Ибо подобно тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, до основания его потрясают и чрез сие в глубине находящийся песок смешивают с горными волнами, так и люди, жадные к день-

гам, всё приводят в совершенное расстройство. Человек жадный к деньгам не знает ни одного друга. Что я говорю друга? Он не знает даже самого Бога; ибо, будучи одержим этой страстью, он приходит в неистовство» [9, т. 2, с. 67].

Сребролюбцами «ниспровергнуто всё, от неистовой любви к деньгам всё погибло... И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, всё ниспровергает и опустошает, так и эта страсть погубляет вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети — все в равной мере поработились сему злу. Как будто вследствие того, что какой-то мрак обуял вселенную, никто не выходит из опьянения» [9, т. 2, с. 67].

Картина, нарисованная здесь Иоанном Златоустом, жившим в IV веке, удивительно современна. Она, как компас, показывает нам решительное уклонение от христианских начал, охватившее всю современную цивилизацию, имеющую претензию считать себя христианской. Переживаемый ныне мировой кризис — прямое следствие соскальзывания этой цивилизации с христианских на языческие пути.

«Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг; а только хочу, чтобы они владели всем этим осмотрительно и надлежащим образом, — поучает святитель Иоанн Златоуст. — Каким надлежащим образом?.. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать их в землю, а чтобы разделять с другими. Если бы Бог хотел, чтобы они были сбережены, то не давал бы их людям, а оставил бы их навсегда лежать в земле. Но как Он хочет, чтобы они были издерживаемы, то и дозволил нам иметь их, — для разделения друг с другом. Если же мы удерживаем их у

себя, то мы уже не господа их. А если ты для того удерживаешь их, чтобы умножить, то для этого самое лучшее средство — расточать их и всюду раздавать. Да и не может быть прихода без расхода или богатства — без издержек» [9, т. 2, с. 8—9].

Именно в таких предпринимателях видел спасение России от бесконечных «обрывов», от разрушительных революционных потрясений Иван Александрович Гончаров. Его Тушины в романе «Обрыв» — это строители и создатели, опирающиеся в своей работе на тысячелетний опыт русского хозяйствования. Артель его мужиков напоминает крепкую дружину, а Тушин среди них кажется первым работником. «В этой простой русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния» Гончаров видел «какого-то заволжского Роберта Овена!» [10].

6

Однако русские писатели 1870-х годов обращали внимание на вопиющие отступления от этого идеала. Мир патриархальных купцов сменяется в позднем творчестве Островского царством хищных, цепких и умных дельцов. Таковы Паратов, Кнуров и Вожеватов в драме «Бесприданница», Глафира и Беркутов в комедии «Волки и овцы». С бурным и стремительным развитием капиталистических отношений в купеческом мире совершаются большие перемены. Новое купеческое поколение, утратившее связь с национальными святынями, без духовного как бы повисает в воздухе, остаётся при своих миллионах, которые превращает в культ, в безумном самодовольстве решив, что всё в этом мире продаётся и покупается. Оказавшись на вершине, в положении богатой аристократии, эти люди начинают диктовать моду, определять нравственные ориентиры общества. Островский острее, чем кто-либо из его современников, почувствовал разрушительное влияние «нового культурного слоя» на искусство, нравственность, национальный талант.

Разрушительному духу того времени Некрасов дал меткое определение в сатирической поэме «Современники»: «Бывали хуже времена, но не было подлей» [6, т. 4, с. 187]. Тогда же на страницах некрасовских «Отечественных записок» М.Е.Салтыков-Щедрин писал с тревогой и растерянностью: «В последнее время русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии... В короткий срок эта празднующаяся тля успела опутать все наши палестины; в каждом углу она сосёт, точит, разоряет и вдобавок нахальничает... Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии завоевать себе положение в обществе; это — просто праздный, невежественный и притом ленивейший забулдыга, которому, благодаря

слепой случайности, удалось уйти от каторги и затем слопать кишасшие вокруг него массы “рохлей”, “ротозеев” и “дураков»» [8].

Так писал Салтыков-Щедрин и так ему вторил Некрасов:

*Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.
Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!
Что ни попало — тащат,
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!...»
Правда! Но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!*

[6, т. 4, с. 241]

И далее поэт с тревогой и почти отчаянием сказал о бессилии «неумелой» Руси перед столь наглыми хищниками: «Горе! Горе! хищник смелый / Ворвался в толпу! / Где же Руси неумелой / Выдержатъ борьбу?» [6, т. 4, с. 244]. «Святая Русь» оказалась детски беззащитной перед наглой и бесстыжей буржуазностью. Но именно потому, что русский народ на первый план ставит духовные блага, а не земные богатства, что к материальным ценностям он привязывается своими грехами, а не добродетелями, неизбежна, по Некрасову, катастрофа российской буржуазности: «Плутократ, как караульный, / Станет на часах, / И пойдёт грабёж огульный, / И случится крррах!» [6, т. 4, с. 244]. Этот крах случится потому, что в буржуазную прослойку попадает в русских условиях не лучшая, а худшая, наиболее циничная и безнравственная часть нации, неспособная к созиданию. Русская идея, по Некрасову, в корне враждебна идее буржуазной, основанной на чуждых православно-христианской душе установках протестантской морали (богатство — признак богоизбранности его владельца).

Но благодаря духовным усилиям народной школы, православной церкви и русской литературы в среде наших предпринимателей начал формироваться новый тип, далёкий от зоологических хищников. П.Д.Боборыкин в романе «Китай-город» (1882) связывает будущее России с православными купцами и предпринимателями. Они становятся инициаторами крупнейших строек, они проникают и в сферу науки, защищают магистерские диссертации, открывают народные школы и училища.

Боборыкин вступает в спор с Островским, который, по его мнению, освещает купеческий мир однобоко, не замечая в нём начал созидательных, жизнеустроительных. Юная театралка из дворян Тася Долгушина влюбляется в просвещённого предпринимателя Рубцова и примеривает к нему литературные типы Островского. «С Рубцовым они уже разговаривали. И его она прикидывала к

разным “Ваням”, “Андрюшам” и “Митям” из пьес Островского, но и он отзывался совсем не тем; только в говоре был слышен иногда купеческий брат... В нём всё прочно сложилось. Он много жил, много видал за границей, работал, говорил грубовато, смело, без утайки и с каким-то “себе на уме” в глазах, которое ей нравилось» [1, с. 354].

Если Островский в комедии «Бешеные деньги» говорит о непримиримом антагонизме между дворянством и купечеством, то Боборыкин в своём романе показывает возможность плодотворного их союза. Культурная девушка из дворян становится невестой молодого буржуа. Вот они посещают Третьяковскую галерею. И оказывается, что Рубцов знает русскую живопись лучше Таси Долгушиной. Он «начал указывать ей на портреты работы старых русских мастеров. И фамилий она таких никогда не слыхала. Постояли они потом перед этюдами Иванова. Рубцов много ей рассказывал про этого художника, про его жизнь в Италии, спросил: помнит ли она воспоминания о нём Тургенева? Тася вспомнила и очень этому обрадовалась. Также и про Брюллова говорил он ей, когда они стояли перед его вешами. “Всё он знает, — думала Тася, — даром что купеческий сын; а я круглая невежда — генеральская дочь!”» [1, с. 416].

А потом, в 1930-х годах, И.С.Шмелёв, писатель из благочестивой купеческой семьи, в очерке «Душа Москвы» вспоминал: «Нет, не только “тёмное царство”, как с лёгкого слова критика повелось у нас называть русского купца XIX века — излюбленного героя комедии А.Н.Островского, в России — в Москве особенно — жило и делало государственное и, вообще, великое жизненное дело воистину именитое купечество — “светлое царство” русское. <...>

Не только дело “богоугодное” нашло в московском купечестве силу великого размаха: российское просвещение в науках и искусствах также многим ему обязано. Всеми миру известна московская “Галерея Третьяковская”, в тихом, кривом и узеньком Толмачёвском переулке, в Замоскворечье, — величайшее из собраний картин русских живописцев, можно сказать — живая история русской живописи. <...> Помню ещё собрания Цветкова, С.Щукина. Библиотеку Хлудовых, из редкостей по церковному расколу. Собрания древней русской иконной живописи — К.Т.Солдатёнок, С.П.Рябушинского, Постникова, Хлудова, Карзинкина... Картинную галерею И.А.Морозова, на Пречистенке... что ещё?.. <...>

Клиники воздвигались, словно по волшебству, в 80—90 годах минувшего века и всё продолжали разрастаться. Жертвователи соревновались, “из-за чести”. Большинство клиник — именные... гинекологическая клиника имени Т.С.Морозова, клиника по нервным болезням В.А.Морозовой, клиника по раковым опухолям, “зыковская”, — её же, детская клиника Мазуриных, по внутренним болезням... Многие больницы созданы тем же купечеством московским: глазная Алексеевская, бесплатная Бахрушинская, Хлудов-

ская, Сокольническая, Морозовская, Солдатёновская, Солодовниковская... все без платы. Богдельни: Набилковская, Боевская, Поповых, Казакова, Алексеевская, Морозовская, Варваринская, Ушаковская, Мещанские — Купеческого общества, Солодовниковская... на многие десятки тысяч престарелых. Многие детские приюты, убежища для вдов, сиротские дома... без счёта. <...>

И это — «тёмное царство»! Нет: это свет из сердца» [13].

Именно в таком «свете из сердца» нуждается сейчас наше расхристанное общество. Миссия православных священников и мирян из числа национально мыслящих писателей и учителей-гуманитариев заключается в том, чтобы зажечь этот «свет» в душах молодого поколения русских людей, будущих русских предпринимателей.

Понимаем ли это мы? Ведь без надёжного крыла высокой духовности, которую призвана воспитывать на современном этапе нашего развития народная школа, Россия, как птица, у которой на полном лету перебили крыло, обречена удариться о грешную землю

и разбиться... К сожалению, наша либеральная общественность этого не понимает. Только таким непониманием можно объяснить резкое сокращение учебных часов на преподавание литературы и других гуманитарных дисциплин в современной школе и то небывалое в русской истории равнодушие властей к драматическому положению, в котором оказались современные писатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. БОБОРЫКИН П.Д. Китай-город. Роман в пяти книгах. — М., 1957.
2. ГЕРЦЕН А.И. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1955. — Т. 6. — С. 199—200.
3. ГОГОЛЬ Н.В. Полн. собр. соч. / Под ред. П.В.Быкова. Второе стереотипное издание. — СПб., 1908. — С. 962.
4. ЗЛАТОВАЦКИЙ Н.Н. Устои. История одной деревни. — М., 1951.
5. МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С. Полн. собр. соч. — М., 1914. — Т. 18. — С. 237.

6. НЕКРАСОВ Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. — Л., 1982. — Т. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

7. ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1964. — Т. 7. — С. 144.

8. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН М.Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1972. — Т. 13. — С. 349.

9. Св. Иоанн Златоуст. Собрание поучений: В 2 т. — М., 1993. — Т. 1 — С. 67, 69. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

10. См.: ГОНЧАРОВ И.А. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1972. — Т. 6. — С. 22—230.

11. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М., 1996.

12. УСПЕНСКИЙ Г.И. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1956 — Т. 3. — С. 10—11, 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

13. ШМЕЛЁВ И.С. Душа России. Сборник статей от 1924—1950 гг. — СПб., 1998. — С. 183—189.

ШАШКОВА Екатерина Владимировна —

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского музея им. А.С.Пушкина, г. Санкт-Петербург
schaschkowa-e-w@ya.ru

«И ВОТ ОНИ ОПЯТЬ, ЗНАКОМЫЕ МЕСТА...» ТЕМА РОДНОГО ДОМА В СТИХОТВОРЕНИИ Н.А.НЕКРАСОВА «РОДИНА»

X КЛАСС

Аннотация. В статье прослеживается развитие темы родного дома в поэтическом наследии Н.А.Некрасова. На примере стихотворения «Родина» (1846) показано нетрадиционное отношение автора (уже в начале творческого пути) к одной из важнейших тем в русской поэзии.

Ключевые слова: отчий дом, образ сада, образы матери и отца, образ няни, картина разрушения родного гнезда, мотив смерти.

Abstract. The article traces the development of the theme of home in the N.A.Nekrasov's poetic heritage. An unconventional attitude of the author (already developed in his early years) to one of the most important topics in the Russian poetry is shown on the example of the poem "Homeland" (1846).

Keywords: father's house, image of the garden, images of mother and father, image of the nanny, the pattern of destruction of the native nest, motif of death.

Стихотворение «Родина» (1846) обращало на себя внимание многих исследователей-литературоведов: Л.А.Розановой, Н.М.Гайденова, Ю.М.Прозорова, М.М.Гина, С.В.Смирнова и др. Тема родного дома представлена здесь не с позиций романтиков, как это было в юношеских произведениях Н.А.Некрасова «Земляку», «Изгнанник», «Мелодия», а, наоборот, полемически по отношению к ним. Новый взгляд поэта, по словам Н.М.Гайденова, «разрушает романтический ореол безмятежной радости и идиллического умиления, которым окутывали романтики места и годы, связанные с воспоминаниями детства»¹.

В «Родине» нет радужной картины беззаботного детства, полного грёз и надежд, которую мы видели в юношеских стихотворениях Некрасова, а есть мрачный мир, где «отрадному душе воспоминания нет». Родная сторона, которая в стихотворении «Мелодия» — «сердцу драгоценная», дарит покой

и уют, становится в «Родине» всего лишь «знакомым местом», научившим «терпеть и ненавидеть». Тем самым автор уже в начале произведения как бы отвергает понятие родного дома, нарушая этим поэтические традиции романтиков, для которых родной дом являлся святым местом, по словам Ю.М.Прозорова, убежищем «от жизненных бурь и потрясений»². Именно так родной дом выглядит в произведениях П.А.Вяземского («Родительский дом», 1830), Е.А.Баратынского («Родина», 1821), К.Н.Батюшкова («Мои пенаты», 1812).

Лирический же герой в стихотворении Некрасова «Родина» не находит приюта в родном доме, наоборот, родные пенаты навевают на него тоскливые «воспоминания дней юности», наполняющих «грудь... и злобой и хандрой».

Описание усадьбы начинается с образа сада, традиционного в поэзии романтиков, который в этом стихотворении представ-

лен несколько иначе. Стоит отметить, что данному образу в поэзии Н.А.Некрасова уделялось немного внимания со стороны исследователей, поэтому нам представляется уместным остановиться на нём подробнее.

В романтической поэзии образ сада воспринимался, по словам М.М.Гина, как «самое красивое место в усадьбе, место прогулок, отдыха, объяснений в любви...»³. Примером этого могут служить строки М.Ю.Лермонтова из стихотворения «1 января» (1840):

*В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листья
Шумят под робкими шагами.
И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю...⁴*

Лирический герой романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» вспоминал те блаженные